

Неформально о неформальном

БАРСУКОВА С. Ю. (2015). ЭССЕ О НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ, ИЛИ 16 ОТТЕНКОВ СЕРОГО. М.: ИЗД. ДОМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ. 215 С. ISBN 978-5-7598-1262-3

Леонид Бляхер

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии
Тихоокеанского государственного университета

Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, Российская Федерация 680035

E-mail: leonid743342@mail.ru

Книга С. Ю. Барсуковой — это сборник ярко и талантливо написанных рецензий на хорошие и очень хорошие тексты, так или иначе связанные с одним из самых изучаемых феноменов, который тем не менее остается непонятным, — неформальной экономикой. Даже при поверхностном чтении очевидно, что здесь есть какая-то загадка, тот факт, что эти рецензии оказались под одной обложкой, создает качественно иной эффект. Читателю предстоит поразмышлять о таком сложном явлении нашей жизни, как неформальность.

Усиливающийся в последние десятилетия XX века интерес к неформальной экономике в 1990-е годы докатился и до отечественной социологии, став едва ли не «фирменным знаком» науки об обществе. Интерес этот имеет множество причин. На мой взгляд, едва ли не основным из них является недостаток языка мейнстримных экономических и социологических моделей для описания процессов, связанных с тем, что в тот период называли «транзитом». «Крыши» и «семья», блат и «тень» — это и многое другое не желало согласовываться с расхожими представлениями о переходе от плановой экономики к рыночной. Потому отечественные социологи (менее чем экономисты, интегрированные в государственные структуры) обратились к сфере, где антропология начинает проникать в традиционные области интересов социологии и экономики, — к неформальности. В таком подходе и виделся путь, на котором возможно понимание «другой логики» поведения социальных агентов, организаций, структур. К тому времени область эта уже имела серьезную историю и определенную институционализацию в рамках как исследовательского, так и управленческого мирового опыта.

Первоначально речь шла об организации хозяйства в экзотических сообществах, расположенных в Азии, Африке и Латинской Америке¹. Здесь и происходило вторжение антропологов и этнографов в традиционную вотчину социологов и экономистов. Впрочем, вторжение, вполне оправданное экзотичностью этих об-

© Бляхер Л. Е., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-234-240

1. Hart K. (1973). Informal Economy Opportunities and the Urban Employment in Ghana // Journal of Modern Africa Studies. Vol. 11. № 1. P. 61–89.

ществ. Постепенно следы неформальности стали обнаруживаться в рамках многократно описанных и изученных обществ с понятной формальной структурой. Тут начинается взрыв исследований неформальности.

Однако по мере того, как неформальная экономика превращалась в популярное направление исследований самых разных социально-хозяйственных систем, понятие становилось все менее определенным. Исследовательский охват оборачивался методологической размытостью изучаемого явления. Кто-то предпочитал говорить о «неформальном секторе», четко выделяя полюса формальности и неформальности, кто-то — о неформальном контексте, в который погружены формальные правила². Все понятнее становилось, что в рамках проблематики, задаваемой концептом «неформальная экономика», анализируются совершенно разные, не всегда соотносимые процессы и явления.

Общее здесь только то, что все они находятся за пределами легальной «формы». Хозяйство восточного базара и отечественное крестьянское домохозяйство, блат и «раздаток», политические союзы, лоббирование и многое другое оказывалось объединено в одно исследовательское направление. Сходство между ними действительно обнаруживалось, но различий было ощутимо больше. Особенно очевидно это становилось тогда, когда от общих соображений авторы переходили к описанию конкретных практик, работы неформальных институтов.

В этих условиях и возникает необходимость сопоставления разных подходов, осмысления их различий, разделения исследовательских направлений, исследовательских техник, определение границ их применения. Но хотя необходимость такого сопоставления была осмыслена и частично реализована еще на рубеже столетий, полноценный анализ в рамках российской социологии был отложен более чем на десятилетие. Причины такой паузы были не только «цеховые» и методологические. Изменились — или нам показалось, что изменились — сама реальность, сам способ хозяйствования³. Неформальность из смыслового центра экономико-социологических обсуждений начала оттесняться на далекую периферию, оказалась коррупцией, с которой, как известно, нужно бороться, а не изучать. Однако стоило нефтегазовой пленке стать тоньше, как на поверхность вновь вышла неформальность, а осмысление традиции ее исследования выдвинулось в число первоочередных задач. Эту задачу и стремится решить С. Ю. Барсукова.

Текст книги не вполне обычен. Это — пристрастное рецензирование наиболее интересных работ, задающих направления исследования той части реальности, которая лежит за пределами легальных и формальных структур. Отбор работ связан с личными пристрастиями. По признанию автора: «Чистый субъективизм в отборе, но это единственный способ получить удовольствие от чтения, которое

2. Bromley R. (1978). Organization, Regulation and Exploitation in the So-Called «Urban Informal Sector»: The Street Traders of Cali // *World Development*. Vol. 6. № 9–10. P. 1161–1171; Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко под ред. Б. З. Мильнера. М.: Начала.

3. Радаев В. В. (2002). Как легализовать российский бизнес // *Управление персоналом*. № 5. С. 53–57.

конвертировалось в радость размышления над прочитанным» (с. 10). Однако просмотр списка рецензируемых книг свидетельствует, что пристрастия Светланы Юрьевны удивительным образом совпали со списком книг, бывших или становящихся предметом обсуждения в профессиональном и не очень профессиональном сообществе, причем не просто содержащих описание феномена неформальности, но представляющих обозначенную или эксплицируемую позицию или полемику по поводу такой позиции.

Именно такой подбор текстов позволил превратить сборник рецензий в книгу — важную и ожидаемую. При этом если жанры работ, рецензии на которые включены в «Эссе о неформальной экономике», существенно разнятся, ощущение единого и целостного текста не исчезает. Напротив, соединение под одной обложкой академических экономических и социологических исследований и мемуаров, публицистики и исследований фольклора создают эффект погружения в тему, в ту зыбкую реальность, которая обозначается термином «неформальная экономика».

Книга Барсуковой разделена на пять частей. Наиболее концептуально нагружена первая часть: «Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта». Здесь представлены тексты, формирующие теоретические подходы к феномену неформальности. Открывает первую часть размышление над проблематикой, задаваемой классической монографией Дж. Скотта⁴. Это знаменательно. Несмотря на невероятную популярность Скотта у представителей самых разных направлений обществоведения, он — антрополог. Именно с антропологической площадки начался старт изучения неформальной экономики. Совмещая изложение идей Скотта с собственными размышлениями, автор показывает, как и почему формируется и воспроизводится неформальность в мире, почему все попытки описать ее с помощью статистических данных (на языке бюрократии) проваливаются, как и все «программы поддержки». «Смирительная рубашка государственного образца» не уничтожает неформальные практики, но генерирует новые. «На каждый тезис власти находится антитезис шумного и неупорядоченного реального мира. При этом закон может быть аннулирован, а порожденная им неформальная практика войдет в корпус обычаев, неподвластных росчерку пера правителя» (с. 21). Итак, неформальность — неотъемлемая характеристика живого мира, противостоящая безжизненной бюрократической системе. Но этот подход — при всей его эвристичности — лишь очерчивает круг того, чем неформальность не является. Ответ же на вопрос о позитивных характеристиках неформальности, о подходах к ее изучению повисает в воздухе.

Ответить на него автор и стремится в ходе размышлений о связях формальной и неформальной экономик⁵. Здесь используемый метод анализа выступает

4. Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского и Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга.

5. Guha-Khasnobis B., Kanbur R., Ostrom E. (eds.). (2006). Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies. Oxford: Oxford University Press.

наиболее наглядно. Изложение текста — не самоцель. Барсукова прослеживает становление исследовательского поля, обозначенного концептом «неформальная экономика», определяет, как и почему менялось содержание понятия. Автор демонстрирует, как идея особых правил игры для периферийных социальных систем постепенно двигалась в сторону все более широкого применения, превращалась в сознании носителей власти в инструмент по уменьшению бедности в обществах. Но и эта идея достаточно далека от реальности. Государственные программы поддержки «неформального сектора» предполагают его включение в формализованное пространство. На практике это ведет к разрушению неформальной структуры, росту издержек, даже если внешне ситуация выглядит иначе.

Неформальность — то, что не есть формальное — «оправдывается», обретает набор позитивных определений. Неформальная экономика оказывается основным инструментом трудоустройства и пространством экономической деятельности социальных групп с низким доходом. Она достаточно тесно интегрирована с экономикой вполне легальной и формальной, поскольку предоставляет последней существенные возможности для снижения издержек. Она гибче реагирует на изменения внешних условий, обладает большей устойчивостью и т. д. Неформальная экономика все меньше воспринимается как некий выделенный «сектор», но все больше — как важная составная часть социальных «правил игры», институтов. Противопоставление «секторального» и «институционального» подходов стало важным элементом становления исследований неформальной экономики. Демонстрация возможностей и сфер применения этих подходов проводится Барсуковой необычайно тонко.

Через весь текст «Эссе о неформальной экономике» проходит тема восприятия неформальности как «коррупции»⁶. В сборнике, составленном И. Б. Олимпиевой и О. В. Паченковым, она выходит на авансцену в крайне своеобразной интерпретации. Традиционный посыл о необходимости борьбы с коррупцией трактуется здесь как изначально теоретически ошибочный, когда речь идет о странах за пределами «мирового центра». Борьба с коррупцией сравнивается с поведением благородного идальго, сражающегося с ветряными мельницами. Чем же является коррупция в этих странах? Рецензент достаточно четко эксплицирует позицию, так или иначе присутствующую в книге: коррупция — следствие имитации политических и социально-экономических институтов, навязанных странами «мирового центра». Традиционная «почва» стран «мировой периферии» попросту переваривает эти институты, заставляя их работать так, как предполагается в данном социуме. «Социальные логики переварили „пришлые“ законы в кашу неформальных практик, еще раз доказав, что игнорирование подобных законов — не следствие варварства страны, а свидетельство их искусственности в контексте культурных норм развивающихся стран. Коррупция не-Запада — результат замедления ситуации западными мерками» (с. 39).

6. Олимпиева И. Б., Паченков О. В. (ред.). (2007). Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. СПб.: Алетейя.

Но даже «национальные нормы» далеко не всегда способны лечь в основу кодифицированных правил — ведь норм много. Кодификация и наделение особым статусом одной из них неизбежно ведут к тому, что группы, которым они свойственны, будут стараться найти способ реализовать их. Последнее тоже может быть интерпретировано как коррупция.

Оппозиция «формальное — неформальное» в данном контексте размывается, превращается в сложный континуум, где члены бинарного противопоставления выступают лишь как крайние точки, своего рода идеальные типы, не существующие в реальности. Важно, что такая ситуация становится сегодня все более типичной. «Правильные» экономики все более срастаются с толщей неформальных практик, активно включаются в неформальные взаимодействия. Этот все более сложный мир и рисует Барсукова, анализируя книгу Ричарда Сеннета⁷. В этом мире противоречие между всеобщими бюрократическими нормами и уникальностью условий человеческой жизни, бесконечным разнообразием социальных связей становится все более ощутимым. Неформальность, обнаруженная на периферии социального бытия, все стремительнее движется в смысловой центр, размывая бюрократические препоны.

Рецензируемая книга — не просто анализ подходов к неформальной экономике. Все мысли Барсуковой вращаются вокруг одного уникального социального пространства — российского. Особенности этого пространства, его неформальности посвящены остальные части книги.

Если первая часть при всей эмпирической насыщенности работ «собеседников» Барсуковой представляет — во всяком случае, в ее интерпретации — размышления общетеоретические, то последующие части все более приближают наш взгляд «к земле», к конкретным проблемам и конкретным практикам.

Вторая часть, составленная из размышлений над работами О. Бессоновой, А. Леденовой, С. Кордонского и специфического исследования советского анекдота М. Мельниченко⁸, задает систему координат восприятия феномена российской неформальности. Работы эти очень разные, но они направлены на одно — описание той самой почвы (не сектора, но пространства, организованного системой специфических институтов). Особенности сословной (или квазисословной) системы в России С. Кордонского в интерпретации Барсуковой неожиданно попадают в такт с «раздатком» О. Бессоновой и «блатом», трактуемым А. Леденовой, становятся гранями одного феномена, имя которому — российское общество. Особый социум, где «гражданское общество» располагается в саунах и охотничьих зимовьях, а публичными пространствами выступают рестораны и трибуны стадионов, но не площади или избирательные участки. Самое главное, что общество это край-

7. Сеннет Р. (2004). Коррозия характера / Пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск: Тренды.

8. Бессонова О. (2006). Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН; Кордонский С. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение»; Ledeneva A. (1998). Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press; Мельниченко М. (2014). Советский анекдот (указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение.

не разнородно, многослойно, причем каждый слой обладает собственной неформальностью, дающей возможность существовать формальным практикам. Для каждого из этих слоев его неформальность — нормальна и естественна. «Чужая» же неформальность — коррупция в самой недопустимой форме. Многослойность общества и, соответственно, многослойность неформальности и задает рамку для осмысления явления.

Его проявления разнообразны. Это и неформальность крупного бизнеса в академическом исследовании Я. Ш. Паппэ и Я. С. Галухиной⁹; и сложные стратегии дистанцирования бизнеса от государства, которые рассматривает в своей книге Э. Панеях¹⁰, и литературно-публицистическое изложение срастания бизнеса и власти в воспоминаниях А. Коха и И. Свиаренко¹¹.

Отдельная тема — рецензии на книги, связанные с правоприменением, точнее, с принуждением к исполнению правил. Энфорсеры (бандиты, коррумпированные чиновники, «влиятельные» люди и легальные правоприменители) отличаются по степени легальности, но не по технологии воздействия. Последняя оказывается на удивление сходной во всех вариантах. Более того, именно формализованное право становится самым неэффективным инструментом принуждения к исполнению правил. Огромная часть реальности при этом попросту выпадает из-под контроля. Ее не видят.

Эта часть предстает в книге Барсуковой в последнем разделе, посвященном неформальной занятости¹². За пределами государства, его недремлющего ока, бурлит живая жизнь. Она не попадает в отчеты, не сказывается на статистических показателях. Но именно благодаря ей формальные институты, даже неудачно спроектированные и криво реализуемые, не могут уничтожить общества. Именно поэтому стремление понять Россию — это прежде всего стремление понять ее неформальную сторону — ту, которая живет «в тени». И книга Барсуковой — важный этап на пути такого понимания.

Почему сборник рецензий воспринимается отнюдь не только как «мостики» к текстам, которые он рассматривает? Почему это — книга? Ответ, как мне кажется, дает сам автор, правда, в отношении книги Ричарда Сеннета. Но мысль эта легко и естественно переносится на манеру изложения Барсуковой: «По жестким канонам социологического исследования судить книгу можно строго (вопросы о выборке, о репрезентативности наблюдаемых случаев даже не обсуждаются автором). Верующим в единообразие „научного продукта“ книгу лучше не трогать, дабы не раздражаться. Видящим в социологии пограничье с искусством, где есть место прозрению и стилевой свободе, книга даст повод к размышлению» (с. 14).

9. Паппэ Я. Ш., Галухина Я. С. (2009). Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

10. Панеях Э. (2008). Правила игры для русского предпринимателя. М.: Колибри.

11. Кох А., Свиаренко И. (2005). Ящик водки: в 4-х тт. М.: Эксмо.

12. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (ред.). (2014). В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. М.: Изд. дом ВШЭ; Плюснин Ю., Заусаева Я., Жидквич Н., Позаненко А. Отходники. М.: Новый хронограф.

В истории общества (а еще более в истории науки об обществе) достаточно явно выделяются два периода. В одном общество вполне укладывается в наши представления о нем. Строгие научные категории позволяют создавать модели, находящие отклик не только среди собратьев по цеху, но и среди управленцев, да и управляемых. Это происходит в периоды относительной стабильности, внятной и линейной логики развития, или, по крайней мере, позволяющей мыслить себя в качестве линейной. Иначе обстоит дело в эпохи взрывные, динамичные, где разные части социального мира начинают дрейфовать по несогласованным траекториям, закручивая вокруг себя реальность. В этот период не только управляющие и управляемые, но и сам исследователь оказываются в состоянии «научной шизофрении»: я (как эмпирическая личность) понимаю, что мои исследования неадекватны наличной ситуации. Но я (как ученый) эту неадекватность ни обозначить, ни описать не могу. Здесь на помощь «строгой науке» и приходит текучий и образный язык искусства, позволяющий если не концептуализировать, то, по крайней мере, «ухватить» ту реальность, в которую мы все погружены.

Но проблема еще и в том, чтобы, используя язык образов, остаться в пределах академического сообщества, чтобы твои работы были восприняты коллегами. Светлана Барсукова нашла оптимальный путь соединения академической традиции и художественной свободы. Думаю, именно в этом спрятана тайна притягательности ее книги «Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого».

Informally on Informal

Leonid Blyakher

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии

Тихоокеанского государственного университета

Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, Российская Федерация 680035

E-mail: leonid743342@mail.ru

Review: Svetlana Barsukova, *Jesse o neformal'noj jekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [Essays on Informal Economy; or, 16 Shades of Grey] (Moscow: HSE, 2015) (in Russian).